

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ

Как отмечают многие исследователи, в настоящее время работы в области изучения национально-языковых отношений чаще носят эмпирический характер, основное внимание в них направлено на сбор фактов, что во многом объясняется отсутствием в советской и, позднее, российской науке достаточного объема материалов для выведения каких-либо концептуальных заключений и, отсюда, отчасти некоторым субъективизмом и противоречивостью отдельных выводов советских ученых относительно положения национальных языков в стране. Естественно, если при этом еще не учитывать и заказной, политико-идеологический характер работ обществоведов. Данный факт объясняется также тем, что данная отрасль знания, назовем ее социолингвистика, лингвозкология или этнолингвистика, относительно новая, особенно в России. К тому же в областях, связанных с изучением закономерностей быстро меняющегося общественного развития, где данные устаревают очень быстро, сложно проводить общий анализ видоизменяющихся систем и структур, когда необходимо учитывать значительный набор параметров, аспектов и факторов.

Несмотря на это, в последние годы делаются попытки не только дать анализ и оценку событий в области языковой жизни советского и постсоветского периодов, но и сделать определенные теоретические выводы относительно изменений, происходящих в этноязыковых ситуациях, одним из показателей чего служит выпуск учебных пособий по социолингвистике¹.

Сложным взаимоотношениям языка и общества² наибольшее внимание со стороны лингвистики стало уделяться примерно с середины 50-х гг. прошлого века. И, несмотря на идеологическую

направленность работ советских исследователей, отдельные теоретические положения таких ученых, как Л. В. Щерба, Е. Д. Поливанов, В. А. Аврорин, А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский, В. К. Журавлев, Ю. Д. Дешериев и других, служат базой для дальнейшего развития отечественной социолингвистики. Общеизвестно, что основополагающей и наиболее сильной ее стороной является функциональный³ подход к анализу состояния языка.

Безусловным является огромное влияние на социолингвистические разработки фундаментальных трудов У. Вайнрайха, Дж. Фишмана, Р. Белла, Э. Хаугена, Ч. Фергюсона и других. Активизировавшиеся в последние годы контакты с зарубежными учеными, поток литературы, хлынувшей с Запада, способствует не только расширению научного кругозора исследователей России, но и теоретическому углублению их разработок, а иногда и сближению отдельных позиций и взглядов, особенно в области методики изучения состояний вымирающих языков⁴.

Сложность и многоаспектность предмета исследования предполагает комплексность его изучения, в частности, подразумевается не только взаимодействие социологических и лингвистических методов, анализ многоуровневого соотношения множества лингвистических и социальных переменных, но и учет всего экстралингвистического фона существования языка: исторических, социально-политических, социокультурных, этнонациональных, правовых, этнопсихологических аспектов языкового развития и контактирования. Существенное значение в плане нового осмысления процессов, происходивших и происходящих в языках, языковых ситуациях и языковой политике имеют разработки специалистов в области этнолингвистики, этносociопсихологии, социологии, этнологии: М. Н. Губогло, С. В. Чешко, Н. С. Тишков, Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, Г. Ч. Гусейнов и др.

Анализ и описание языкового взаимодействия базируется на совокупности понятий и терминов, ключевыми из которых являются «языковая ситуация», «двуязычие», «родной язык», «языковой контакт», «языковое планирование» и другие. Поскольку методологическая и понятийная база современной отечественной социолингвистики еще недостаточно разработана, попытаемся разобраться в отдельных ее проблемах и вопросах, рассмотреть термины, значения которых претерпевают изменения в связи с их со-

временной актуализацией и, в частности, найти оптимальный вариант, например, для конкретного изучения бурятско-русского языкового контактирования.

Большинство современных понятий и терминов, используемых в интегративных гуманитарных исследованиях, подобных социолингвистике, имеют широкое референтное поле, поскольку они объединяют составляющие различных сторон бытия человека и функционирования, в данном случае, языка. При этом они включают и динамико-хронологические, и системно-структурные разновидности объектов изучения. То есть множественность их определений зависит не только от их внутри- и экстралингвистического, но иногда и от ареально-хронологического характера их рассмотрения. Между тем все они имеют свою специфику, поскольку обозначают совокупные интегративные понятия и явления.

Многообразные аспекты изучения современной проблематики языковой среды в ее динамике, языкового контактирования и сосуществования определяют существование достаточно многозначных и дублирующих понятий, формулировка которых одновременно связана с внутри- и внелингвистическими аспектами изучаемых явлений (родной язык, языковое планирование, переключение кодов и т.д.), и которые требуют внимания с позиций тех изменений, которые происходят сейчас в российском обществе, особенно с позиций национальных языков. В частности, это касается случаев языковой деградации и реабилитации, правового решения проблемы языкового выживания.

Как показало время, отсутствие четкого правового законодательства в области национальной политики явилось одной из причин, приведших к обострениям и распаду Советского Союза. Что связывают, во-первых, с тем, что считалось, что в СССР с определенного периода не существовало национальной проблемы, а также с недостаточной ее изученностью и, соответственно, с тем, что не существовало и четких определений таких понятий как этнос, нация, культура, государственный язык, родной язык и т.д. Не вдаваясь в подробности дискуссий по данным определениям, отметим, что в ряде случаев отсутствие достаточной информации и литературы, а иногда, наоборот, ее переизбыток по отдельным вопросам позволяют сделать вывод, что пока существенных изменений здесь не произошло, и в области национальных отношений гуманитар-

ные науки пока находятся в стадии становления. Очевидным остается также то, что во все времена развития человечества существовали различные объединения народов на почве совместного проживания в определенных природно-климатических условиях, общими хозяйственными, бытовыми, культурными, языковыми особенностями. Сосуществование таких объединений часто характеризовалось различными формами противостояния. И так же, как в общем этносоциальном развитии общества, проблемы и противоречия существовали и в этнолингвистическом плане. Разнообразие объединений людей, носителей разных языков, диалектов и наречий определяет **языковую ситуацию** конкретного региона.

Термин «языковая ситуация», также как и большинство внутрilingвистических определений (билингвизм или двуязычие, интерференция, языковая компетенция и т.д.), касающихся функционирования языка на различных социальных уровнях, относится к аксиоматическим или классическим, общепринятым определениям. Согласно Л. Б. Никольскому, языковая ситуация – это «совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и в этнической общности»⁵. А. Д. Швейцер⁶ дополняет, что под языковой ситуацией следует понимать не только социально-функциональную дифференциацию, но и иерархию коммуникативных систем и их компонентов, то есть подсистем. Однако, если у него возникающая при двуязычии языковая система есть единая социально-коммуникативная система, разноязычные элементы которой находятся в состоянии функциональной дополненности и представляют собой аналог полифункционального языка в одноязычном обществе и эта точка зрения была воспринята всеми языковедами национальных республик, занимающимися проблемами двуязычия, то в настоящее время предпочтительнее или, как отмечает В. Н. Белоусов⁷, рациональнее рассматривать ее как систему, разноязычные элементы которой сосуществуют или, можно добавить, взаимодействуют на определенной территории. Выбор языка в данном случае осуществляется самим носителем в зависимости от ситуации общения.

В. Ю. Михальченко⁸ определяет языковую ситуацию как сложный коцепт, включающий ряд компонентов: языковую общность, языковую традицию, языковую компетенцию, речевую практику,

ценностные ориентации, юридический статус и функциональный статус языка. Л. П. Аюпова⁹, подробно анализируя это понятие, выделяет примерно тот же набор компонентов языковой ситуации. Однако она отмечает, что концепт «языковая ситуация» обязательно должен включать процесс языкового взаимодействия и, в частности, билингвизма, как результат этого взаимодействия. По ее мнению, в 60–90-х гг. основное внимание уделялось функционально-языковому аспекту, которое сводилось к описанию языковых состояний, а не языковых ситуаций.

То есть анализ языковой ситуации предполагает выявление как внутриязыковых закономерностей, состояния языка (компоненты его социально-коммуникативной, а в последнее время отмечается и когнитивной, системы), так и изучение влияния общественно-культурных процессов, а в последние годы (в России) и законодательно-правовых тенденций. При этом предполагается вовлечение максимального числа пересекающихся структур: социальных, языковых, психологических, исторических, политических, юридических и даже экономических.

Так, можно отметить, что ранее в бурятоведении проблема языкового сосуществования на примере бурятского и русского не была обделена вниманием лингвистов (Т. А. Бертагаев, Л. Д. Шагдаров, А. А. Дарбеева, Ц. Б. Цыдендамбаев, И. Д. Бураев, А. Р. Бадмаев и другие). При этом основное внимание в их работах уделялось сравнительно-сопоставительным исследованиям, теории и практике преподавания русского языка в национальной аудитории. Они отмечали возрастающую роль русского языка в жизни бурят, массовость двуязычия в Бурятии и прогрессивное влияние двуязычия на бурятский язык. Активное усвоение бурятами русского языка объяснялось такой объективной причиной, как преимущество русского населения на всей территории этнографической Бурятии и широкое распространение высшего и среднего образования среди бурят. Сокращение функций языков объяснялось «желанием их носителей, отсутствием социальных потребностей» для их использования, «разумным распределением общественных функций, присущих литературным языкам»¹⁰. В большинстве работ рисуется «картина» вполне разумного распределения между бурятским и русским языками сфер обслуживания общественной жизни бурят, считается, что «бурятский язык должен использо-

ваться, прежде всего, как средство раскрытия и развития творческих способностей данной нации»¹¹, «расширять функциональную нагрузку языков малых народов Сибири в иновой этнолингвистической ситуации нецелесообразно»¹². В последние годы актуальность проблемы языковой ситуации в республике, состояния бурятского языка потребовало внимания специалистов-гуманитариев различного профиля, данная проблематика затрагивается в работах историков, философов, социологов и этнографов: Т. М. Михайлова, Ш. Б. Чимитдоржиева, Г. Л. Санжиева, Д. Д. Нимаева, К. Б.-М. Митупова, И. Э. Елаевой, Н. С. Бабушкиной, И. Г. Балханова и других.

Таким образом, в настоящее время шкала описания конкретной языковой ситуации намного расширилась и включает множество параметров и факторов. Соответственно, перед исследователями стоит задача теоретической разработки единой междисциплинарной модели описания языковой ситуации, языковой политики и планирования, включающую и саму языковую систему.

Языковая политика – один из существенных аспектов языковой ситуации, определяющий не только систему мер сознательного (чаще нормативного) воздействия, обычно государства, на развитие языковых процессов, распространение языков по сферам социального взаимодействия, по разным уровням общения, но и представляющая часть политического контроля над языковой ситуацией, языковыми конфликтами. Языковая политика может быть регулируемой или стихийной. В последнее время ее значение как части национальной политики, особенно в многонациональных государствах, все более возрастает и, соответственно, она становится все более регулируемой, чаще с помощью языкового законодательства. Многоаспектность языковой ситуации предполагает многогранность и языковой политики, элементы которой системно взаимосвязаны. Очевидно, что языковая политика должна проводиться с учетом объективных закономерностей языкового развития, социально-экономических, социально-культурных потребностей людей, их разумной ценностной ориентацией.

Считалось, что языковая политика советского государства являлась плюралистической, конструктивной и была направлена на расширение функций всех языков, сфер их применения, обеспечение полной свободы каждого гражданина СССР говорить, воспи-

тывать и обучать своих детей на родном языке, не допуская привилегий, ограничений или принуждения в употреблении того или иного языка. Однако, как показала история, именно в области языковой политики в данный период наблюдались элементы ассимиляции или русификации. Централизованная система общеобязательных мероприятий (особенно через систему образования), предусмотренная и проведенная советским государством, фактически, привела к тому, что большинство представителей малочисленных и более крупных народов перешли на язык межнационального общения. Безусловно, можно отчасти согласиться с рядом оппонентов, утверждающих, что данный процесс естественен в условиях многонационального государства, что происходящие в настоящее время процессы глобализации ведут к унификации культур, распространению более крупных языков. Однако высказывания типа: «...Языковая русификация, которая не была всеобъемлющей и представляла собой не целенаправленную русификацию, а стандартизацию, во многом обусловленную объективными, спонтанными процессами органического и самоорганизации полиэтнического общества»¹³, вызывают возражения, поскольку как бы это не объяснялось, это был именно целенаправленный централизованный постепенный процесс русификации через ограничение сфер функционирования национальных языков и посредством развития национально-русского и русско-национального двуязычия у национальных меньшинств. Процесс и политика, которые, фактически, никак не скрывались и не замалчивались (хотя бы теми же лозунгами о едином советском народе и т.д.).

Современная оценка лингвистами языковой политики советского государства общеизвестна и однозначна, а факт кризисного состояния большинства языков России очевиден. Перестроечные изменения конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века привели к существенной переоценке многих событий и явлений того периода, пристальному вниманию к языковым проблемам, попыткам возрождения некоторых культурно-языковых традиций, расширения отдельных социальных функций национальных языков посредством принятия законов о языках.

В российской социолингвистике понятие «языковая политика» получило наибольшее распространение и дальнейшую разработку в 90-е гг. XX в. после законодательного определения ряда нацио-

нальных языков¹⁴. По прошествии десяти лет после относительно сумбурного периода становления языкового законодательства можно отметить, что, к сожалению, в целом в языковой политике России, как и в целом в национальной политике пока нет четких приоритетов и очевидная на сегодня установка на равноправие языков, фактически, не будет способствовать их сохранению, а в ряде случаев и возрождению.

Большинство исследователей отмечают, что прошедшая в начале 90-х гг. волна объявления суверенитетов и принятия законов о языках, провозгласивших государственными наряду с русским языки титульных наций, привела в настоящее время к выводам, что придать языку статус государственного недостаточно. Ученые ставят вопрос о реальных путях и возможностях расширения социальных функций языков, без чего они не могут функционировать как государственные. Современная оценка языковых ситуаций и анализ результатов внедрения законов в жизнь показывают, что многие статьи Закона не реализованы в срок по объективным причинам (функционирование в органах государственной власти, дело- и судопроизводстве, на транспорте, в связи и некоторых других сферах). Между тем нельзя не признать положительной роли действующего законодательства в социокультурном аспекте, для сфер народного образования, духовной культуры, в меньшей степени – массовой коммуникации.

Сегодня по истечении десятилетия можно уже четко определить достоинства и недостатки принятых в республиках законов. Для большинства из них характерно отсутствие четко определенной конечной цели, недостаточно четко установленных ответственных и контролирующих структур, сроков исполнения статей закона. Реализация законов, в основном, была затруднена и обусловлена рядом экстралингвистических или объективных социально-политических и экономических трудностей. Возможно, необходимо было также расширить конституционное правовое регулирование языковых отношений, чтобы оно могло не только провозглашать, что у нас два государственных языка, но и обеспечивать равные права и возможности для их полноценного функционирования.

Республика Бурятия как часть федеративного российского государства руководствуется в своей языковой политике общими

принципами демократии, согласно которым правом свободного и равноправного выбора и употребления языка пользуются как отдельная личность, так и группы людей, представители определенных этносов. Равноправие наций и их языков подразумевает, что их численность не влияет на степень защищенности. Однако в реальности на речевые функции говорящих, как известно, влияют разнообразные этно- и социодемографические факторы. При активных общественных, социально-экономических, демографических и других изменениях необходимо четко следить за соответствующими языковыми процессами, чтобы не нарушались политико-правовые принципы.

В эпоху актуализации национального самосознания наиболее важным представляется социальный аспект межъязыкового урегулирования, необходимости социализации этнических и языковых групп посредством взаимного овладения в социально необходимом объеме контактируемых языков. Как отмечает М. В. Дьячков, «явно или скрыто не желая интегрироваться в язык или культуру соседей, индивид нарушает не столько этические, сколько социальные нормы. В результате в рамках единого социума вырисовывается несколько достаточно обособленных друг от друга больших групп – языковых коллективов, отличающихся не по этическим признакам, а по владению или невладению соответствующими языками. Конечно, они объединены знанием мажоритарного языка межэтнического общения, однако знание только его не всегда удовлетворяет требованиям эффективной социальной коммуникации: при использовании частью социума другого языка коммуникативные связи прерываются. Подобная дезинтеграция может приводить к возникновению, поддержанию и нарастанию социальной напряженности в рамках единого, но разноязычного социума»¹⁵.

В этом плане очень важной и полезной для малых языков была бы переориентация языковой политики Российского государства с национально-русского двуязычия в национальных регионах на русско-национальное. Активно обсуждавшееся в начале 90-х гг. направление на паритетное двуязычие в последние годы было успешно забыто.

Комплекс мероприятий по регулированию национально-языковой жизни того или иного региона, как конкретное проявление принципов конструктивной или, наоборот, деструктивной

языковой политики, называется **языковым планированием** и языковое строительство (термин наиболее употребительный в СССР в 20–30-е гг. XX столетия). «Языковое планирование» является одним из основных понятий социалингвистики, поскольку оно определяет выбор и утверждение тех или иных языковых норм в обществе, то есть оно связано с вне- и внутриязыковым определением статуса языка. Не зря эти понятия, «нормализация» и «языковое планирование», у Э. Хаугена, практически, синонимичны¹⁶. То есть, можно сказать, что различают узкое и широкое понимание языкового планирования, внутриязыковистическое и общелингвистическое. Внешний аспект связан с функциями языка и обычно преследует определенные цели: 1) служить средством политической интеграции, эффективному управлению государством, 2) способствовать национальному единству, давать ощущение единомыслия. Достижениям первой цели способствует официальный язык, второй – национальный¹⁷.

Как пишет М. Караджа¹⁸, языковое планирование состоит из десяти фаз: 1. Селекция (выбор), 2. Дескрипция (описание), 3. Кодификация (нормирование), 4. Елаборация (разработка), 5. Акцептуация (принятие), 6. Имплементация (применение), 7. Экспансия (распространение), 8. Культивация (развитие), 9. Эвалуация (оценка), 10. Реконструкция (исправление) нормы. То есть для получения конкретного результата введения каких-либо мер по улучшению языковой ситуации также необходимо прохождение всех этих фаз. Как можно заметить, внедрение языкового законодательства (возможно, что и не только языкового) в Бурятии прошло только пять-шесть выделенных фаз и, соответственно, оказалось, что данный закон не работает, улучшения положения бурятского языка не произошло.

Также из десяти фаз состоит внутриязыковистическое планирование или нормирование. Однако, как отмечают представители Пражского лингвистического кружка, нормы различаются не по сути и качеству, а по степени обязательности и осознанности, признания нормативных рекомендаций носителями языка и задача нормы – облегчение коммуникации системы¹⁹. Или, как отмечает Э. Хауген, основной критерий языкового планирования – эффективность, адекватность и приемлемость языковых норм для носителей языка. Для чего «хороший нормализатор обеспечивает не только правила,

но и тексты. Поэтому для письменной нормы необходимы писатели, а для устной ораторы»²⁰.

Как показывает история, процесс стандартизации в языках есть процесс постоянного движения к определенной норме и чаще это движение не прямолинейно. Достаточно актуальными эти проблемы являются для молодых национальных языков, литературные нормы которых нестабильны, динамичны. Поскольку характер нормализаторской деятельности зависит от конкретной языковой ситуации, конкретного языка, то для языков типа бурятского, находящегося в постоянном контакте с крупным языком, такая деятельность должна быть постоянной и носить характер сознательного регламентирования. К тому же, можно констатировать, что в бурятском языкознании пока четко не определены задачи языкового планирования, обогащения или очищения, расширения или ограничения состава языковых элементов. Необходимо постоянно контролировать развитие бурятского языка под влиянием общественных изменений и соблюдать баланс: оптимальное сочетание норм литературного языка и диалектной речи, литературного языка и разговорной речи, норм бурятского, русского и монгольского литературных языков, поскольку, считается, что для большинства языков подходит конъюнктивная норма, дающая возможность варьировать формы.

Фактически, в настоящее время в языковом планировании нуждаются все национальные языки России, в том числе и русский, хотя большинство международных и российских правовых документов касаются защиты малочисленных народов и их языков. Но, как отмечает А. Е. Кибрик²¹, во-первых, не всегда численность отражает состояние языка и чаще количество говорящих на этом языке меньше числа носителей данного национального меньшинства, во-вторых, «согласно европейских стандартов, к национальным меньшинствам в России можно отнести всех представителей нерусской национальности»²². Согласно Федеральному закону «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» (ст.1, п.6), принятому в 1996 г., к малочисленным народам относятся те народы, которые населяют территории традиционного проживания своих предков, сохраняют самобытный уклад жизни, насчитывают менее 50 тысяч человек и осознают себя самостоятельным этниче-

скими общностями. То есть, если относительно данных народов имеются какие-либо четкие указания, то, например, как относиться к бурятам и к их языку, куда его отнести? Большинство исследователей считает бурят не крупным и не малочисленным народом. Если судить по Сибирскому региону, то здесь он считается относительно крупным этносом. А в масштабах России и, тем более, в мировом масштабе – это скорее малый народ и, соответственно, предпочтительно использовать термин «**малый язык**»²³. Он более предпочтителен, так как нейтрален, и в парадигме большой – малый язык, где большой или крупный язык – это русский (в России), на втором месте всегда будет стоять любой иной национальный язык. То есть можно согласиться с европейским стандартом, но уже относительно языка.

В зарубежной литературе чаще используются термины **миноритарный** (национальный язык, язык этнического меньшинства) – **мажоритарный** (язык большинства) языки, **автохтонные** (местные) языки. В основе их использования лежит количественный показатель (соотношение носителей языка), но иногда учитываются литературный, политический и образовательный статус языка. Миноритарный язык обладает ограниченным функциональным статусом в пределах республики, округа и в большинстве своем подчиняется общественным функциям мажоритарного (общегосударственного) языка. Однако данная терминология в российской и в зарубежной лингвистике²⁴ пока не имеет четкого определения и последовательного применения. В период активного языкового законодательства 80–90-х гг. широкое распространение получили термины **титulyный-нетитulyный языки** или языки титульной (нетитульной) национальности. Они положены в основу принципа языкового законодательства, объема языковых прав, а далее в основу распределения финансовых средств, вкладываемых соответствующим государством в сферу образования, СМИ, общественную и культурную жизнь.

Как отмечают многие исследователи, в процессе придания ряду языков титульных наций России статуса государственных в начале 90-х гг. были допущены некоторые неточности относительно четкого разграничения понятий «**государственный**» и «**официальный**» языки²⁵. Отчасти это можно оправдать неопытностью законодателей молодого демократического государства, а также не-

подготовленностью советской социолингвистики к резким переменам в языковой ситуации СССР и России. Таким образом, определение «государственного языка» также как и определение понятия «коренной народ», требует уточнения, а иначе возможны частные определения государственного языка, подходящие для титульных языков России, получивших статус государственных, или же необходимо введение данного понятия с позиций, так сказать, новых государственных языков. Что, видимо, чаще и происходит и каждое государство само определяет, что оно подразумевают под этим понятием.

Так, можно сказать, что целью придания бурятскому языку статуса государственного было либо показать перспективу его развития, поскольку закон – это акт долговременный и его основная стратегическая задача – воспитание молодого поколения, в совершенстве владеющих двумя государственными языками, либо это было авансом, если судить по определению, что государственный язык – язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства²⁶.

Возможно также провести следующее разграничение: термином «государственный» определять правовой статус языка, а «официальный» – социальный его статус, хотя официальным традиционно называется язык государственного управления, законодательства, судопроизводства. В. П. Нерознак отмечает, что эти определения чаще воспринимаются как разъяснительно-рекомендательные. Также как и определения, о которых пишет М. В. Дьячков²⁷. Он отмечает, что еще в 1953 г. по заказу ЮНЕСКО были разработаны дефиниции: государственный язык – язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства; официальный язык – язык государственного управления, законодательства, судопроизводства, т.е. определение государственного языка несколько шире, чем официального.

Для ситуаций подобных Бурятии пока более подходит общее определение: «язык государственный – язык, использование которого законодательно предписано в официальных сферах общения»²⁸. Именно предписано, поскольку, несмотря на то, что закон был принят десять лет назад, до сих пор остается актуальной про-

блема функционирования бурятского языка как государственного в официальной сфере. То есть необходимо различать еще и фактический, и юридический статусы государственных языков. И, поскольку на данный момент отсутствует политическое равенство языков, когда они находятся на одном уровне развития, и оба полноценно функционируют, положение приходится подправлять юридически или вводить юридическое равенство.

Одним из основных параметров языковой ситуации, а также одним из самых спорных на сегодня понятий, связанным с анамнезом билингва, является понятие «родной язык», который в обыденном сознании связывают с комплексом признаков: либо это язык, доминирующий в речевом поведении билингва, либо он при определении родного языка руководствуется социально-психологическими установками, которые связаны с национальным самосознанием. То есть понятие «родной язык», многие учёные считают, требует уточнения, поскольку оно зависит от критериев подхода к его определению: социально-политических, историко-культурных, лингвистических, социально-функциональных, этнолингвистических, психолингвистических²⁹ и других. Лингвистические критерии, например, используются при учете уровня владения языками, этнолингвистические – национальности и родного языка родителей, социально-функциональный – функционально первого языка, языка общения в семье, на производстве и т.д.

В словаре русского языка С. И. Ожегова говорится, что родной язык – это язык Родины, на котором говорят с детства. Это подтверждается и современными исследователями. Так, например, З. Х. Исхакова³⁰, определяя факторы влияния на признание того или иного языка родным, установила, что главным фактором у школьников является язык семьи, на котором ребенок начал говорить и только потом можно говорить о языке воспитания в гос.учреждениях, т.е. в детских садах. Важным фактором также является национальность родителей, особенно в смешанных семьях.

В. А. Аврорин отмечал, что родной язык тот, «которым данный человек или коллектив людей наиболее свободно и активно пользуются во всех случаях жизни, с помощью которого они, в частности, – и это особенно показательно – чаще и легче всего выражают свои мысли любого содержания, то есть на котором они обычно

думают»³¹. В. К. Журавлев дает более полное определение родного языка: «на котором формируются первичные навыки речевого взаимодействия, впервые устанавливаются коррелятивная взаимосвязь между определенными языковыми единицами и элементами внеязыковой действительности. Как правило, это язык матери, бабушки, семьи. На этом языке осуществляется первичная социализация личности, ознакомление с морально-этическими традициями своей социально-этнической среды, своего народа»³². Поэтому В. М. Алпатов³³ считает более обоснованным использование понятия «материнский язык», который, по его мнению, к тому же имеет четкий социальный смысл. Р. Белл³⁴ предлагает в зависимости от последовательности усвоения языков индивидом различать первый и второй язык, а в зависимости от степени их использования синхронно в речи – первичный и вторичный, подразумевая под первичным основной язык или приоритетное, более частое его использование в речевой практике. Таким образом, разграничивается обиходная путаница с определением «родной язык» типа: раньше я говорил только на бурятском языке (в детстве), а теперь в основном говорю по-русски. То есть деление Р. Белла связано с хронологическим аспектом языковой самоидентификации. Н. Б. Вахти³⁵, говоря об утрате языка, также использует термин «первый язык», но подразумевает при этом титульный язык, название которого омонимично названию народа или этимологически связано с ним.

Среди ученых сложилось четкое мнение, что дифференцированные данные статистических сборников по переписям населения, помимо того, что они искажали данные в угоду проводимой советским руководством национальной политики³⁶, не дают полного представления о языковой ситуации. По современным материалам переписей, например, невозможно судить о степени владения родным и вторым (неродным) языком, поскольку «частота признания родным национального языка отражает не столько языковое поведение, сколько ценностные ориентации по этому поводу»³⁷. При переписи, например, обычная формулировка, была «свободно владею (каким-либо вторым) языком», но достаточным считается хорошее владение одним или несколькими видами речевой деятельности на втором языке, социально-актуализированными видами, которые чаще всего необходимы в производственных целях, вы-

нужденно. Вопрос же о родном языке все чаще заставляет людей задумываться, поскольку этническая и языковая самоидентификация личности, фактически, в настоящее время все более становятся понятиями взаимонезависимыми. Национальная или этническая принадлежность, как показывают исследования, чаще индивидуально связываются с культурной принадлежностью, а не с языковой. Соответственно, формулировка вопроса о «родном языке» при опросах должна быть более точной.

Неточность определения понятия «родной язык» связана также с инструментальной и сентиментальной функциями языка³⁸. Инструментальная функция связана с использованием языка как средства общения, а сентиментальная – с этническими чувствами народа.

Чем выше уровень образования и, соответственно, знание языков, истории, культуры своего и соседствующего народа, общая эрудиция, тем сложнее и спорнее становится определение понятия «родной язык», также как и понятия этническое (национальное) самосознание. Как пишет Ю. Нагибин³⁹, до революции люди различались не по нациям, а по вере. Сегодня же в дополнение к этим компонентам (язык, вера, культура) добавляются такие как «гражданская принадлежность» типа «россиянин» и отношение к какому-либо суперэтносу (монголы, славяне и т.д.). Так, что касается проблем современной самоидентификации бурят, а также роли языка в этом процессе, то достаточно подробно данный вопрос обсуждается в статьях Т. Д. Скрынниковой⁴⁰ и И. Э. Елаевой⁴¹.

Обширное социолингвистическое обследование, проведенное автором в Бурятии⁴², показало, что обычно хорошее знание русского языка бурятами не приводит к изменению представления о родном языке, что, как и у большинства других народов, у бурят язык остается стабильной основой национальной идентификации. Причем в большинстве случаев признание бурятского языка родным отражает реальное языковое поведение его носителей. Другое дело, что уровень владения родным языком недостаточно высок и постоянно понижается. Несмотря на это на примере бурят и бурятского языка, можно утверждать, что национальное самосознание более устойчивый элемент, чем национальный язык.

Пока при проведении социолингвистических обследований и опросов чаще используется понятие «родной язык», во-первых,

потому что для населения оно более привычное, во-вторых, оно некоторым образом позволяет судить об их отношении к своему языку и, в-третьих, полученные данные по параметру «родной язык» необходимо использовать для сопоставления с теми же данными по переписям населения.

Становление любого национального языка во многом определяется развитием его литературной формы. **Литературный язык** – наддиалектная форма существования языка, вершина речевой культуры, эталон нормативных явлений, сокровищница культурных традиций народа, достижений мастеров слова, поэтов, писателей. Очевидно, что каждый язык имеет свою историю формирования литературного языка.

Определение понятий «литературный язык», «национальный язык», «диалект» являются достаточно непростыми даже для таких теоретически разработанных языков, как английский, немецкий; точные критерии разграничения понятий отсутствуют, хотя очевидным является противопоставление литературного языка и диалекта. При этом литературный язык, определяемый как наддиалектная форма существования языка, «характеризуется сложным взаимодействием письменных и устных форм... литературный язык отличается всеобъемлющим характером... характеризуется целенаправленным отбором языковых фактов, реализуемых нормой»⁴³. М. М. Гухман основными признаками литературного языка считает: 1) большая или меньшая обработанность и связанная с этим селективность, 2) отсутствие спонтанности речевого произведения, 3) большая или меньшая поливалентность (многофункциональность), порождающая стилевое многообразие и функционально-стилистическое варьирование, 4) тенденция к регламентации, соотносимая с отмеченной выше селективностью, 5) определенный уровень гомогенности, что не исключает возможности территориального и социального варьирования, 6) разные формы обособления от диалекта, иными словами наддиалектность⁴⁴.

То есть, можно сказать, что понятие литературный язык так же, как и большинство отмеченных выше понятий относится к сфере социолингвистики. Во многом это подтверждается и историей установления литературных языков малых народов в СССР. Особенностью их появления и развития был единый командно-административный подход к языковым реформам и, соответствен-

но, к оценке этих реформ. В частности, в советском языкознании бытовало мнение, что литературные языки большинства малых народов сформировались в послеоктябрьский период, имеются также высказывания, что в качестве литературного языка младописьменных народностей функционирует русский литературный язык, который они считают своим вторым языком⁴⁵.

Однако, как отмечают сегодня многие языковеды национальных республик, истинная картина истории развития национальных языков и их форм требует некоторого уточнения. Общеизвестно, что для становления литературного языка очень важно наличие письменности, поскольку развитие экономики, культуры, социальной структуры непосредственно связано с наличием письменной коммуникации, и общества и государства различаются по уровню грамотности и, соответственно, использования письменного языка. Многие же из так называемых младописьменных языков имели письменные источники и памятники, для языка которых характерны признаки литературного языка. Не является исключением и бурятский язык, который помимо того имеет богатейший фольклор, элементы которого обладают определенной степенью наддиалектности и обработанности. Данную точку зрения активно отстаивает Д.-Н. Д. Доржиев⁴⁶. Л. Д. Шагдаров считает, что становление бурятского литературного языка началось в 20-е гг. на основе еще старомонгольской письменности, что подтверждает анализ литературы, изданной в те годы. Именно в художественной литературе заметно вытеснение старомонгольских элементов элементами народно-разговорного языка⁴⁷.

Экстенсивное «развитие» национальных литературных языков в советский период привело к тому, что социальной базой носителей литературных норм большинства из них стали сельские жители отдельных районов, диалекты которых были взяты за основу нового литературного языка. (Кстати, они в большинстве своем и не осознают себя избранниками, не понимают своего значения как носители определенной речевой культуры.) То есть, получилось так, что в большинстве малых языков за столь короткий исторический период, практически, процесс его обособления от диалектной основы не произошел, литературная форма языка как наддиалектная не воспринимается.

Становление литературного языка – процесс длительный и в большинстве языков он не просто не регулировался и не регулируется, он просто игнорировался и замедлялся посредством уничтожения поддерживающих структур: национальных школ, книгопечатания, средств массовой информации на национальных языках и т.д. Хотя, если учесть, что за литературным языком закрепляются лишь какие-то определенные сферы функционирования, он не всегда должен быть полифункционален, но иметь в наличии хотя бы несколько сфер письменного употребления, то с некоторой натяжкой можно считать, что те же титульные народы пока имеют свои литературные языки.

То есть современные проблемы национальных литературных языков связаны не только с внутриязыковыми проблемами их становления, их соотношения с диалектами, нормализационными процессами, но и со сложной социальной обусловленностью их функционирования. И можно согласиться с утверждением Б. П. Нарумова о том, что «понятия «языка» и «диалекта», унаследованные от сравнительно-исторического языкознания и структурной диалектологии, легко подвергаются идеологизации, поскольку они используются не только как классификационные понятия для описания состояния внутренней структуры лингвем, но и для установления определенных иерархий типа «галисийский есть диалект иснанского или португальского языка...»⁴⁸. Кроме того, «в современной языковой ситуации в результате взаимодействия местных диалектов с литературным языком произошло нарушение непрерывности языковых ареалов, разрушение пространственного континуума, но на его место заступают два других континуума: диастратический (социальное варьирование) и диафазический (варьирование ситуации общения)»⁴⁹.

Так, одной из особенностей бурятского языка является неравномерная по диалектам и говорам степень лингволяльности, терпимости к несвоему и, соответственно, объему заимствований в языке, что во многом объясняется историко-социальными фактами развития бурятского народа. И здесь мы сталкиваемся с одной из наиболее сложных проблем бурятоведения, проблемой бурятского литературного языка.

Относительно бурятского языкознания она имеет две основные стороны: теоретическую и практическую, которые тесно взаимо-

связаны с выработкой единых для всего бурятского социума норм. Считается, что бурятский литературный язык относительно высококорегламентированный язык, однако до сих пор носители западного диалекта отказываются воспринимать его в качестве языка образования и, тем более, как языка межличностного общения. В последнее время проблема единства к тому же осложняется, во-первых, сокращением сфер использования литературного языка (в частности, все меньше, как указывалось выше, издается литературы на бурятском языке), а, во-вторых, все более развивающимся билингвизмом носителей языка.

Выбор хоринского диалекта в качестве основы бурятского литературного языка считается удачным, во-первых, потому что численность носителей этого диалекта превалировала над численностью носителей других диалектов, во-вторых, у них уже имелась определенная литературная письменная традиция на основе старомонгольской графики, на которой создана значительная литературная (включая делопроизводство и частную переписку) продукция. Поэтому резкие переходы сначала на латиницу, а затем на кириллицу, несмотря на общий их отрицательный эффект, бурятским языком были перенесены относительно спокойно и между, например, дореволюционными и послереволюционными текстами сохранилась преемственность.

Другое дело, что в дальнейшем по ряду причин не произошло нивелирования диалектных различий, отсутствует софункционирование литературного и общеразговорного языка, и пока бурятский литературный язык в обществе воспринимается не как наддиалектная форма, а более как язык носителей хоринского диалекта, функционирование которого вызвано потребностями бурятского общества. То есть процесс обособления от диалектной основы проходит медленно и не регулируется.

Проблема литературного языка, как и во многих малых языках России, в бурятском, видимо, еще долго будет актуальной. В некоторых языках законодательно признано равноправие всех литературных вариантов (у осетин – иранский и дигорский, у мордвы – эрзя и мокша, марийцев – лугово-марийский и горно-марийский). В бурятском же официально об этом не говорится и, в основном, признается целесообразным сохранение хоринской диалектной основы, хотя в последнее время допускается, во-первых, для за-

падных диалектов составление учебников, учебных пособий и т.д., ведение занятий на своем диалекте, во-вторых, все больше говорится о необходимости использования в официальных документах, литературе, прессе элементов разных диалектов, возможно, в виде парных слов.

Практическая сторона проблемы бурятского литературного языка нашла отражение в ряде предложений относительно расширения социальной базы бурятского литературного языка. В частности, предложение Ц. Б. Цыдендамбаева изменить подход к литературному бурятскому языку, усилить демократические процессы в литературном языке, приблизив его к диалектной речи народных масс и обратив пристальное внимание на усиление тех функций, которые связаны с устным его употреблением⁵⁰ с целью, чтобы он как явление социальное обеспечивал возможность общения в различных сферах деятельности, находится в русле пражской теории литературного языка, которая под понятием нормы понимала совокупность грамматических средств, находящихся в коллективном употреблении и стремящихся к стабилизации⁵¹. Однако, как отмечают многие исследователи, в последние годы во многих странах намечается тенденция поддержки не только языков меньшинств, но и диалектов. То есть делаются попытки поддерживать не только интеграционные языковые процессы, но и любую тенденцию к сохранению языка, в любом виде.

В целом можно сказать, что в советское время по ряду причин (обширный регион проживания бурят, скрытое недовольство, что за основу взят не их собственный диалект, недостатки образовательной системы и др.) нивелирования диалектных различий фактически не произошло и для речи отдельных представителей интеллигенции, носителей различных диалектов характерно осознанно развитое явление диглоссии, причем не только диглоссии бурятский литературный язык – бурятский диалект, но и бурятский язык (в виде диалекта или литературной формы языка) – русский (просторечье или литературная форма). К тому же замедленный темп стандартизации приводит к тому, что в каждом диалекте происходят стихийные видоизменения, причем наиболее подверженными к созданию новых форм слов и заимствований являются западные и южные говоры. Можно предположить, что на западные говоры больше влияет русский язык, а на южные – монгольский.

Но, к сожалению, этот процесс активно не изучается и не контролируется.

Так же, как и понятие «родной язык», «литературный язык» затруднено и многомерно определение понятия **двуязычие** (билингвизм)⁵², зачастую оно зависит от определенной узкоспецифической точки зрения, в рамках которой рассматривается данное понятие вплоть до мнения, что вообще нет необходимости давать его общее определение⁵³. Наиболее нейтральным в лингвистике является определение: «под двуязычием обычно понимается владение двумя языками и регулярное переключение с одного языка на другой в зависимости от ситуации общения»⁵⁴.

Классическими считаются определения В. А. Аврорина: «Двуязычием следует признать одинаково свободное активное владение двумя языками. Иначе говоря, двуязычие начинается тогда когда степень знания второго языка приближается вплотную к степени знания первого»⁵⁵; Ю. Д. Дешериева, Н. Ф. Протченко, которые под совершенным видом двуязычия понимают «владение в совершенстве общеупотребительными устной и письменной формами существования обоих литературных языков без проявления интерференции на каком-нибудь уровне их структур»⁵⁶. Все авторы подразумевают достаточно высокий уровень владения двумя языками, хотя, как отмечают многие исследователи, степень владения языками при двуязычии может быть разной: от пассивного знания ограниченного лексикона и базовых грамматических конструкций до абсолютного владения обоими языками как единственными средствами общения в условиях всех традиционных коммуникативных сфер. Выделяют, например, еще неполное двуязычие, когда индивид владеет бытовой речью без знания письменных форм языка; пассивное, когда индивид воспринимает информацию в устной или письменной форме, но активно ее воспроизвести не может. Соответственно, различаются ступени двуязычия: от начальной до ступени адекватного двуязычия, когда индивид в равной степени владеет обоими языками, одинаково свободно говорит и думает на обоих языках, сознательно избегая смешения элементов двух языков.

То есть двуязычие можно и нужно рассматривать как развивающееся явление, поскольку, во-первых, меняются объективные условия, в которых существует билингв, которые требуют от него

переключения с одного языка на другой либо, наоборот, фиксации знания определенного языка. Во-вторых, объективно и очевидно естественное стремление к овладению носителями миноритарного языка мажоритарным языком как можно в более совершенной форме. Большинство авторов (Л. В. Щерба, Ю. Д. Дешериев, Дж. Эдвардс) считают, что чистого двуязычия (существования в сознании говорящего двух языков изолированно друг от друга, без сравнений и параллелей), также как и абсолютно одинакового совершенного знания обоих языков, не бывает, или это очень редкое, немассовое явление. Обычно присутствует смешанное двуязычие, которое возникает в процессе овладения вторым языком на базе данных родного языка. То есть, как отмечает Л. В. Щерба, бывает двуязычие индивидуальное и коллективное, чистое и смешанное⁵⁷.

В зависимости от способа, условий приобретения двуязычия различают искусственное и естественное или культурное и контактное двуязычие. Считается, что для России характерен контактный тип двуязычия, который возник в результате длительного совместного проживания аборигенного и русского народов на одной территории. Обычно численное преобладание русской части населения, их более высокий уровень социально-экономический развития способствовал распространению асимметричного (субординативного) двуязычия, когда этническое меньшинство владеет как своим национальным (миноритарным), так и русским (мажоритарным) языком. Можно отметить, что современное национально-русское двуязычие в России отчасти является и культурным, поскольку с помощью русского языка усваивается не только русская, но и инонациональная культура. Так, для большинства национальных окраин, как, например, и для отдаленных однонациональных бурятских сел, характерно, активное усвоение русского языка посредством телевидения и радио, которые, практически, постоянно вещают на русском языке.

Многомерность и многоаспектность двуязычия затрудняет возможность общего его определения, даже в самой лингвистике оно является объектом изучения социолингвистики, психолингвистики и собственно лингвистики. «Если социолингвистический аспект взаимодействия языков раскрывает причины возникновения двуязычия, а психолингвистический фактор – сам механизм языково-

го взаимодействия, то лингвистический аспект связан с рассмотрением результатов языкового контактирования»⁵⁸.

Различные определения двуязычия связаны не только со степенью владения тем или иным языком, но и с социальными ситуациями и другими параметрами коммуникативного акта: «...билингвизм – это сосуществование двух языков в рамках одного и того же речевого коллектива, использующего эти языки в соответствующих коммуникативных сферах, в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта»⁵⁹. З. У. Блягоз считает, что двуязычие – это умение, навык, позволяющий человеку или народу в целом, или его части попеременно пользоваться (устно или письменно) двумя разными языками в зависимости от ситуации и добиваться взаимного понимания в процессе общения⁶⁰. Принцип взаимопонимания и общения в последнее время является исходной позицией при определении двуязычия, степень же владения языками может быть разной.

В связи с ростом значения определения двуязычия для теории и практики языковой политики, совершенствования межнациональных отношений, очень важным становится рассмотрение типов двуязычия⁶¹ относительно их функционирования в том или ином обществе, государстве. В зарубежной лингвистике в данном случае речь идет о трех типах двуязычия: равнофункциональном (языки на территории всей страны имеют одинаковый статус и используются говорящими во всех сферах), нефункциональном (языки имеют одинаковый статус, но функционируют на разных территориях независимо друг от друга), разнофункциональном, ведущим к постепенному сокращению носителей тех языков, которые имеют суженные функции. Отмечается, что наиболее приемлемый и желательный вид двуязычия в многонациональном государстве – равнофункциональный, – не вызывающий социальных напряжений, к сожалению, все более уступает разнофункциональному⁶².

Можно также в данном случае отметить фактор добровольности или вынужденности двуязычия, о котором пишет В. М. Алпатов⁶³, но, который, по нашему мнению, в многонациональных государствах является вынужденно-добровольным. Четкую грань здесь провести сложно, поскольку немаловажным в данном случае

является статус, социальная ценность, престиж сосуществующих языков, причем и официальный, и фактический.

Среди выделяемых обычно типов билингвизма⁶⁴ для бурят наиболее характерными являются активная субординативная форма с соблюдением норм обоих языков с незначительной интерференцией и репродуктивная форма, когда используются преимущественно русский или бурятский язык со вторым языком на уровне репродуктивного билингвизма. В последние годы все более увеличивается число носителей пассивного билингвизма, воспринимающих бурятский язык, но воспроизводящих его с трудом. К числу тех, кто владеет активным координативным (полное соблюдение норм обоих языков) двуязычием, относятся обычно представители так называемой гуманитарной интеллигенции (преподаватели, научные работники, журналисты), обучавшиеся в школе, а иногда и в ВУЗе, бурятскому языку. И если раньше у бурят преимущественно отмечалось активное контактное двуязычие, которое развивалось у городских бурят при непосредственном общении с представителями других национальностей, то в последние десятилетия можно говорить еще и о массовом пассивном культурном двуязычии, которое, как отмечается выше, распространяется в отдельных сельских районах через радио, телевидение и другие средства массовой информации. Наблюдающийся значительный перевес числа носителей русского языка даже среди бурят имеет тенденцию к усилению этого перекаса. Часто причинами предпочтения русского языка бурятскому являются степень владения тем или иным языком и стереотип языкового поведения. В основном же, бурятско-русское двуязычие характеризуется функциональным распределением языков, когда русский язык соотносится с нетрадиционными для бурят сферами деятельности, а родной используется в повседневном бытовом общении.

Таким образом, в настоящее время можно говорить практически о четырех видах двуязычия на базе бурятского и русского языков: 1) бурятско-русское двуязычие у бурят, 2) русско-бурятское двуязычие у бурят, 3) бурятско-русское двуязычие у русских, 4) русско-бурятское двуязычие у русских. Если первый вид двуязычия достаточно изучен, имеются различные, в том числе и статистические, данные по этому виду, то остальные три требуют не только исследования, но и внимательного отношения, поскольку

от них во многом зависят и будущее положение бурятского языка в Бурятии, и моральный климат в республике. Обычно бурятский компонент бурятско-русского двуязычия у бурят представляет собой диалект или говор, но в случае, если носитель языка обучался в школе родному языку, в его речи наблюдается явление диглоссии, перемежаются литературная и диалектная формы бурятского языка, а также элементы русского.

Если судить по данным, полученным в результате проведенного в 1989-1990 гг. обследования⁶⁵, в частности, по уровню владения бурятами бурятским и русским языками, то активными носителями бурятско-русского двуязычия являются более 60% взрослого населения, носителями русско-бурятского двуязычия среди них являются примерно 23% (ответивших, что удовлетворительно и плохо говорят по-бурятски) опрошенного взрослого населения этнографической Бурятии. Расчет по результатам переписи населения 1989 г., данный в работе Хо Сун Чхол⁶⁶, показал, что степень двуязычия у бурят равняется 74,45%.

Бурятско-русское и русско-бурятское двуязычие у русских представлено редко и, в основном, у лиц, живущих в сельской местности, в окружении природных одноязычных носителей бурятского языка. По данным переписи населения 1989 г., 0,3% русских ответили, что знают бурятский язык, однако имеются сведения, что в сельской местности около 40% русскоязычного населения в той или иной степени владеют бурятским языком, а в городе доля носителей русско-бурятского двуязычия составляет 27%⁶⁷.

В случае двуязычия типа большой-малый языки при выборе вариантов в случае понятийно-эквивалентных слов даже при сходстве лексического фона преимущество чаще отдается более престижному языку. Тесное взаимодействие двух языков способствует изменению способа отображения мира в малом языке вплоть до замены исходных понятий, вкраплений однопонятийных слов пока возможно их дифференцированное употребление в различных ситуациях или в отношении различных адресатов, иногда с частичным изменением объема значений. Наблюдения над речевой практикой бурят свидетельствуют, что в их речи встречаются заимствования, вкрапления, смешения кодов и переключения кодов, причем выбор языка у них чаще не мотивирован, смена языков в процессе общения обычно не осознана.

Речевая ситуация в отличие от языковой характеризуется еще большим разнообразием использования языковых вариантов в рамках одной беседы и, соответственно, многообразно определение случаев данной вариативности. Ч. Фергюсоном⁶⁸ для определения одновременного сосуществования в обществе двух языков или двух форм или стилей одного языка было введено понятие **диглоссии**⁶⁹. То есть данное понятие в некотором смысле шире понятия двуязычия, однако оно предполагает оценочную компоненту: сознательный переход с одного языка (формы языка, стиля) на другой по шкале «высокий» – «низкий», «торжественный» – «обыденный» и, видимо, «престижный» – «непрестижный». Таким образом, подразумевается неравное положение (доминирование, подчинение) социальных групп пользующихся тем или иным языком, диалектом, стилем и т.д. Признается, что диглоссия типа родной язык – язык большинства (международный язык) – естественное явление и норма для большинства дву- и многоязычных обществ. Однако, также как и в случае двуязычия, очень важна скорость перехода с одного языка на другой и, если это естественный процесс и он сопровождается умелой языковой политикой, то он проходит безболезненно.

Отмечая разнообразие речевой вариативности в случае двуязычия и многоязычия, следует заметить, что, во-первых, кроме указанных выше возможны и наиболее распространены в России варианты родной диалект – литературный русский язык, национальный литературный язык – разговорный русский язык и т.д. Во-вторых, замечено, что оценка и языков, и их форм может существенно меняться, и сложно говорить, в каком случае, какой язык, или форма, или стиль более престижны и высоко оцениваются. Например, попытки поднять в последние десятилетия престиж национальных языков с помощью придачи им статуса государственных сыграло некоторую роль в размещении их на социальной шкале ценностей, хотя этот процесс пока сталкивается со значительными трудностями разного плана. В Бурятии общение в дацанах, например, более престижно вести на бурятском языке. Достаточно сложными во многих языках, в том числе и бурятском, являются отношения диалект – литературный язык. Вероятно, необходимо вести политику поддержки сохранения и развития всех

диалектов. Ведь едва ли носитель какого-нибудь диалекта согласится, что его диалект непрестижен.

Явления двуязычия и диглоссии непосредственно связаны с уровнем владения индивидом тем или иным языком или с его **языковой компетенцией**. Обычно данный термин используется для обозначения языковых навыков говорящего, способности воспринимать и производить грамматически правильные высказывания. Несколько иную интерпретацию дает М. Н. Губогло⁷⁰. Под языковой компетенцией он понимает потенциальное двуязычие, противопоставляя ему речевую деятельность (реальное двуязычие) и языковую ориентацию (психологическую ориентацию человека к различным языкам). По его мнению, эти понятия квалифицируют различную степень владения одним или несколькими языками. Л. П. Крысин и В. И. Беликов⁷¹ считают, что в отличие от Н. Хомского, который ввел термин языковая компетенция, наиболее полно понятие «владение языком» раскрыл Ю. Д. Апресян и, что оно должно включать наряду с собственно лингвистическим уровнем социальный контекст использования языка. Они выделяют национально-культурный, энциклопедический и ситуативный уровни владения языком.

В последние годы все чаще наряду с понятием диглоссия, заимствование используются понятия **смещение кодов**, **переключение кодов** или использование в речи билингов двух и более языковых вариантов с соответствующим изменением действующей грамматики (сфера действия переключения кодов охватывает более одного слова). Различение маркированного и немаркированного переключения кодов помимо дополнительного сообщения об этнической принадлежности, эмоциональной окраске и т.д., производится также с целью информации говорящего о собственном социальном статусе, то есть здесь также используется оценочный параметр.

Считается, что понятие переключения кодов введено Дж Гамперцом⁷², хотя о смешанном языке с двумя терминами (или кодами в современной терминологии) еще в 1925 г. писал Л. В. Щерба⁷³. В настоящее время в механизме речевого общения в условиях двуязычия выделяются такие процессы, как заимствование, вкрапления, смещение и переключение кодов. Отдельные исследователи под явлением переключения кодов понимают все лингвистические факты, возникающие в речи билинга⁷⁴.

Механизм речевого общения в неоднородной языковой среде, представляющий множество вариантов лингвистического приспособления носителей языка в целях взаимопонимания является малоизученной и достаточно перспективной темой для любого языка, находящегося в условиях контактирования с другим языком. Фактически, в большинстве работ бурятских лингвистов рассматривается один вариант приспособления – заимствование, о смешении языков упоминается Т. А. Бертагаевым⁷⁵, хотя очевидно, что современная двуязычная речь бурят изобилует, практически, всеми видами двуязычной речевой вариативности, поэтому перед бурятоведами задача ее изучения стоит особенно остро.

Распространению явления смешения и переключения кодов способствуют хорошее знание и активное использование русского языка городскими бурятами, точнее билингвизм, а иногда и полное их русское одноязычие. Оно наиболее характерно как для городских билингвов – лиц с высшим образованием, так и для тех, кто слабо владеет литературной формой языка, часто для носителей западного диалекта. Смешанную речь можно услышать в г. Улан-Удэ в случае общения носителей разных диалектов, в разговоре стариков с молодежью. В городе на бурятском языке, точнее родном диалекте, в основном, говорят между собой родственники, земляки, мигранты первого поколения. Носители западного диалекта стесняются в общественных местах говорить на своем диалекте. Среднее и младшее поколения бурят, особенно в деревенской местности, под влиянием школьного обучения стремятся к четкой дифференциации речевых средств, к целесообразному их использованию в соответствии с речевой ситуацией. Относительно «чистая» бурятская речь характерна для закаминцев, окинцев, представителей Агинского бурятского национального округа, носителей хоринского диалекта, представителей отдаленных районов.

Как и в любом языке, особенно в случае двуязычия и многоязычия, между полной моногlossenностью и сознательным кодовым переключением с одного языка на другой существует множество переходных случаев, которые часто говорят о недостаточно высоком уровне владения языком, и способствуют расшатыванию языковых норм, понижению культуры речи.

В бурятском языке, как и в других языках, встречаются случаи ситуативного переключения с русского языка на бурятский, и, на-

оборот, обусловленные кодовыми правилами (в дацане, культовых местах), а также случаи метафорического переключения, при передаче, например, ласкового доброжелательного отношения говорящего («Мухаашка»). Дифференциация и квалификация такой речи так же, как и смешения кодов, довольно затруднительны, поскольку параллельно с лингвистическим анализом необходимо учитывать экстралингвистические факторы: место, тему и обстановку речевого акта, среду или сферу общения, социолингвистические характеристики говорящих, их языковую компетенцию. В данных случаях считается, что социальная потребность и условия подавляют языковую норму.

Так называемое сознательное переключение кодов с целью объяснить или сделать рассказ более понятным для слушателей встречается довольно редко. Например, в выступлении по телевидению д.ф.и. У.-Ж. Ш. Дондукова (апрель 2001 г.): *Ородоор хэлэхэдээ* (говоря по-русски): «Своя интерпретация, своя аранжировка песни».

Гораздо больше случаев, когда отсутствует бурятский эквивалент какому-либо выражению или слову, а русский вариант как бы находится «на языке», причем чаще это устойчивое выражение, клише. Например, в бурятской записи, для которой характерна ровная литературная бурятская разговорная речь, осуществленной в Кижингинском интернате, учительница перед началом игры говорит: «Ну, три-четыре...» или «И подтянись. Вот так. Молодец! Еще раз». Здесь употребление русских фразеологизмов обусловлено эмоционально-экспрессивным сигналом, с целью обратить внимание на последующее высказывание или действие.

Своеобразны случаи переключения кодов, когда, например, разговор заводится о родителях: *Иаша мать, nahamai болоод* (в возрасте), живет в Читинской области; или когда, наоборот, в противовес описанному выше случаю, на родном языке имеется более подходящее устойчивое выражение: *По пять рублей собирала. Не хватило. Почему я маленьких взяла? Жаахан хубуун жаа мунгэн* (Маленькие дети – маленькие деньги).

Как и для многих восточных народов, для бурят одним из решающих значений при выборе языка общения является состав участников беседы. Если собеседник старший по возрасту начинает разговор по-бурятски, то и более молодой коммуникант отвеча-

ет или пытается ответить на родном языке. Не менее важный момент – обстановка речевого общения. Как традиция уважения к русскому и другим народам довольно устойчивой является привычка в присутствии лиц другой национальности (даже не обращаясь к ним) либо полностью переходить на русский язык, либо перемежать речь бурятскими и русскими словами, выражениями.

Фактически, можно сказать, что бурятская разговорная речь характеризуется активным проникновением всех видов русской вариативной речи, проникновением во все социальные слои бурятского населения. При этом наблюдается пересечение социальных, психологических и лингвистических структур носителя языка и групп носителей. Очевидно, что такой тип речи чаще – результат недостаточной культуры родной речи, отсутствия нормализующего влияния бурятского языкознания, школы, общества. Перспектива его дальнейшего существования во многом зависит от социальных условий развития языка.

По нашему мнению, в современных случаях национально-русского двуязычия необходимо различать, например, целевое кодовое переключение (цель – быть понятым) и переключение, обусловленное недостаточным знанием языка, в случае, когда оба участника являются двуязычными. Особое внимание необходимо обратить на психолингвистический аспект изучения переключения кодов – мотив заимствования или переключения кодов, чем обусловлен тот или иной процесс, всегда ли он связан только с облегчением хода мысли, общения, упрощения содержания. Изучение данного аспекта двуязычия помогло бы выйти на уровень этнопсихолингвистических, лингвоментальных особенностей того или иного народа.

Относительно малых языков проблема их существования и развития тесно связана с проблемой их **витальности** (ревитализации, сохранения, поддержки) языка. Если судить по литературе, то это проблема давно и активно разрабатывается в зарубежной социолингвистике. В СССР и России по общеизвестным причинам пристальное внимание этой проблеме стали уделять лишь в последние годы и в настоящее время, к сожалению, угроза витальности национальных языков, в том числе и титульных, признается всеми специалистами.

Очевидно, что язык может исчезнуть: а) с увеличением числа билингвов, когда носители малого языка постепенно сокращают его употребление, постепенно обходятся без него, не видя в нем необходимости, б) с внутренними изменениями языка под влиянием либо языка-донора либо доминирующего языка, в) с физическим сокращением числа носителей языка. Процесс исчезновения языка называется по-разному: вымирание, утрата, ассимиляция, затухание, языковая смерть. Иначе говоря, у каждой нации имеется свой ассимилятивный порог, или «каждый этнос имеет свой предел взаимодействия, который определяется уровнем его общесоциального развития, структурой этнического самосознания, а также особенностями психического склада. Вместе с тем взаимодействие различных культур конструктивно только в том случае, если внутренние, генетические свойства данного этноса естественно воспринимают внешнее воздействие, если оно не принудительно»⁷⁶.

Н. Б. Вахтин, активно разрабатывающий эту проблему на материале языков народов Севера, использует термин «языковой сдвиг» (language shift), под которым он понимает «социальные причины, механизмы и следствия утраты языковой общностью титульного языка»⁷⁷. Практически, центральной является проблема витальности в серии «Письменные языки мира»⁷⁸, в которой она измеряется количеством функций языка и интенсивностью его применения в сферах общения, а также такими показателями, как количество говорящих на языке, соотношение с общей численностью этнической группы, использование языка младшим поколением, количество билингвов, наличие программ поддержки функционирования языка. К сожалению, в самом издании не указан способ выведения индекса витальности языка, хотя представлены исходные характеристики функционирования языков в различных сферах, что, видимо, и должно использоваться для статистических расчетов. Подобные расчеты в виде коммуникативной и демографической мощности калмыцкого языка приводятся в работе А. Н. Биткеевой⁷⁹. Кроме того, вероятно, интересно было бы найти формулу для выявления уровня, если можно так назвать, сентиментальной мощности языка.

Разработчики уравновешенной модели развития двуязычия Р. Лэндри и Р. Аллард⁸⁰ считают, что билингвизм чаще определяется

не тем, кто ты есть, а где ты живешь, и в сочетании «семья+школа» против «социального окружения» перевешивает «социальное окружение», создавая таким образом ситуацию пониженной языковой витальности. Если же школа выступает против сочетания «семьи+социальное окружение», то данная ситуация будет благоприятной для языка и называется ситуацией повышенной витальности. Как и большинство других авторов, они отмечают, что очень важным фактором сохранения языка является отношение носителей к своему языку, к его потере или поддержке. По мнению А. Я. Блинкена⁸¹, язык умирает через 3–4 поколения, если он не применяется в высших сферах социальной иерархии, управлении, науке.

Как показывает обзор работ, факторы, влияющие на витальность языка те же, что и влияющие на его существование и развитие. Таким образом, еще одним из основных современных социолингвистических понятий является понятие **фактора** или условия совершения тех или иных процессов или событий, их движущей силы. Данное понятие используется в социолингвистических исследованиях все чаще, оно помогает более полно и всесторонне раскрыть экстралингвистическую сущность многих явлений и процессов, происходящих в языках.

Рассмотренные выше понятия далеко не исчерпывают весь набор терминов и понятий, которыми оперируют в данной отрасли языкознания. Большинство из них являются устоявшимися, общеизвестными, основополагающими, но можно также констатировать, что, поскольку социолингвистика находится в стадии становления, происходит уточнение уже известных определений, появляются новые понятия, такие как графическое двуязычие, языковая русификация, паритетное (балансирующее) двуязычие, культурно-языковая диверсификация, языковая аттракция и т.д. Наиболее характерной особенностью их современной трактовки является повышение ценностно-оценочной компоненты в их определении. Уточнение происходит также в связи с расширением лингвистического фона их рассмотрения и увеличением числа исследуемых в данном направлении языков. Можно также отметить, что в результате анализа ряда работ можно сделать вывод, что большинство авторов при социолингвистическом описании языков предпочитают использовать русские термины: двуязычие, но не

билингвизм, языковое взаимодействие, а не языковой контакт, владение языком – не языковая компетенция.

¹ Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика: Учебник для вузов. М.: Рос.гос.гуманит.ун-т, 2001. 439 с.; Герд А.С. Введение в этнолингвистику: учебное пособие. СПб: С.-Петерб.ун-т, 1995. 92 с.; Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студ.гуманит.вузов и учащихся лицеев. 2 изд-е., испр. М.: Аспект Пресс, 2000. 207 с.

² Считается, что внутренние языковые законы – один из видов социальных законов, которые обладают некоторыми специфическими чертами по сравнению с законами развития других социальных явлений. Отсюда и сложная диалектика соотношения экстралингвистических и внутрilingвистических факторов, развития и функционирования языка как социального явления особого рода.

³ В частности. «геория функционального развития языков делит разные виды человеческого общения на сферу спонтанного общения, то есть непланируемого, нерегулируемого (семенного, межличностного общения), и сферу организованного общения, поддающегося планированию и регулированию (книгопечатания, радио, телевидение, делопроизводство, разные отрасли науки и другие)» (Михальченко В.Ю., Солнцев В.М. Языковая ситуация в СССР // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С.59).

⁴ Из последних работ, в которых дан наиболее подробный обзор и анализ зарубежной литературы по малым языкам, нельзя не упомянуть работу Н.Б.Вахтина Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 338 с.

⁵ Никольский Л.Б. Синхронная социоллингвистика. (Теория и проблемы). М., Наука, 1976. С.79-80.

⁶ Швейцер А.Д. Современная социоллингвистика. (Теория, проблемы, методы). М., Наука, 1976. С.133.

⁷ Белоусов В.Н. Сосуществование языков в многонациональном обществе // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 174-190.

⁸ Михальченко В.Ю. О принципах создания «Словаря социоллингвистических терминов» // Методы социоллингвистических исследований. М., 1995. С.191-204.

⁹ Аюпова Л.Л. Языковая ситуация в Республике Башкортостан. Социоллингвистический аспект: Докт.дис. Уфа, 1998.

¹⁰ Шагдаров Л.Д. О возрастании роли русского языка в развитии национально-русского двуязычия в Бурятии // Исследования по бурятской филологии. Улан-Удэ, 1978. С. 6.

¹¹ Там же, С.10.

¹² Бадмаев А.Р. Современная языковая ситуация в Бурятии // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978. С.33.

¹³ Чешко С.В. Распад Советского Союза. Этнополитический аспект. М., 2000. С.197.

¹⁴ Герд А.С. Введение в этнолингвистику: учебное пособие. СПб: С.-Петербург.ун-т, 1995. 92 с.; Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. Мат-лы Всерос. науч. конф. (М., 1-3 ноября 1994). М., 1994. 247 с.

¹⁵ Дьячков М.В. Социальные аспекты овладения неродным национальным языком // Социологические исследования. 1992. №5. С.123.

¹⁶ Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Вып.УП. М., Прогресс, 1975. С.441-472.

¹⁷ Копыленко М.М., Ахметжанова З.К. Закон о языках и развитие двуязычия и многоязычия в Казахской ССР. Алма-Ата, 1990. С.4.

¹⁸ Караджа М. Конституционные аспекты языковой проблематики в Югославии // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С.319.

¹⁹ Цит.: Чемоданов Н.С. Проблемы социальной лингвистики в современном языкознании // Новое в лингвистике. Вып. УП. М., Прогресс, 1975. С.10.

²⁰ Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Вып.УП. М., Прогресс, 1975. С.465.

²¹ Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., МГУ, 1992. С.68.

²² Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., 2000. С.169.

²³ Очевидно, что более обоснованной является классификация языков по состоянию их внутрискруктурного и функционального развития, количеству носителей и т.д. Например, термин, «развитой язык» (видимо, в противовес неразвитым языкам), используемый В.М.Солнцевым (Языковой вопрос в многонациональных странах и языковая ситуация в СССР // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 13), является не совсем удачным, не благозвучным, хотя содержательно (развитый язык – со сложившейся литературной нормой, развитой тер-

минологией и длительной письменной традицией) он вполне функционален.

²⁴ Srivastava R.N. Initiating Literacy in Second Language // Linguistic Minorities and Literacy. Language Policy Issues in Developing Countries. Ed. By Florian Coulmas. Mouton Publishers. Berlin – New York – Amsterdam, 1984. P.29-37.

²⁵ Достаточно подробно дефиниция «государственный язык» разбирается Ю.В.Трушковой в ее статьях: Проблемы описания современной социолингвистической терминологии // Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран. М., 1994. С. 113-120; Термины для обозначения национальных (государственных) официальных языков в Российской Федерации // Социальная лингвистика в Российской Федерации: Мат-лы к XIУ всемирной конф. социологов. Монреаль. М., 1998. С.30-32.

²⁶ Государственные языки в Российской Федерации. Энциклопедический словарь-справочник. Гл.ред. В.П.Нерознак. М., 1995.

²⁷ Дьячков М.В. Миноритарные языки в образовании (типология языковой политики). М., 1995. С.3.

²⁸ Краткий этнологический словарь. М., 1994. С.98.

²⁹ В последнее время делаются попытки уточнить данное понятие с помощью психолингвистического (когнитивного) анализа, см., например: Позднякова Т.Ю. Национальная и языковая идентификация в языковом сознании билингва // Русский язык как государственный. Материалы межд.конференции (Челябинск, 5-6 июля 1997). М., 1997. С.70-74.

³⁰ Исхакова З.А. Функционирование государственных языков в Республике Татарстан среди учащихся-татар // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Казань, 1994. С.68-81.

³¹ Аврорин В.А. Двужычие и школа // Проблемы двужычия и многоязычия. М., 1975. С.52.

³² Журавлев В.К. Экология языка и культуры // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 436.

³³ Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917-2000. Социолнгвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+, Ин-т языкознания РАН, 2000. С.11-12.

³⁴ Белл Р. Социолнгвистика. Цели, методы и проблемы. М., 1980. 318 с.

³⁵ Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С.14.

³⁶ О переписях народов Севера см. там же, С. 31-89.

³⁷ Коган М.Э. Язык в структуре национального самосознания // Этническое и языковое самосознание. Мат-лы конфер. Москва, 13-15 декабря 1995 г. М., 1995. С.72.

- ³⁸ Алпагов В.М. Рец. на книгу J.Edwards. Multilingualism. London; New York, 1994. 237 p.; Вопросы языкознания. 1997. №1. С.131-136.
- ³⁹ Нагибин Ю. Тьма в конце туннеля. М., 1994. С.34.
- ⁴⁰ Скрынникова Т.Д. Традиционная патестарпо-политическая культура и современная идентификация бурят // Сибирь: этносы и культура. Традиции и новации в этнической культуре бурят. Вып.5. М.-Улан-Удэ, 1999. С.4-29.
- ⁴¹ Елаева И.Э. Этничность бурят в постсоветский период // Сибирь: этносы и культуры. Традиции и новации в этнической культуре бурят. Вып.5. М.-Улан-Удэ, 1999. С.48-70.
- ⁴² Дырхеева Г.А., Будаев Б.Ж., Бажеева Т.П. Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический аспект). Улан-Удэ, 1999. 142 с.
- ⁴³ Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. (Теория, проблемы, методы). М., Наука, 1976. С.15-16. Хотя, как считает Э.Г.Туманян (Понятие «языковая норма» с позиций социальной лингвистики // Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран. Мат-лы к XIII Всем. конгр. социологов (Германия, Билефельд, 18-23 июля 1994). М., 1994. С.120-123), диалекты также имеют норму, но она изменяется спонтанно, в то время как литературный язык – носитель искусственной нормы. То есть в любом языке присутствует множество норм.
- ⁴⁴ Гухман М.М. Введение // Типы наддиалектных форм языка. М., 1981. С.3-18.
- ⁴⁵ Суник О.П. О языковом развитии некоторых малочисленных народов Сибири // Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1965. С.19-20.
- ⁴⁶ Доржиев Д.-Н.Д. Старобурятский язык. АДД. Улан-Удэ, 1994.
- ⁴⁷ Шагдаров Л.Д. Формирование и развитие национального языка у бурят // Исследования по истории монгольских языков. Улан-Удэ, 1993. С.11-37.
- ⁴⁸ Нарумов Б.П. Понятия «языковой континуум» и «диалект» в истории романского языкознания // Язык в контексте общественного развития. М., 1994. С.309.
- ⁴⁹ Там же, С.312.
- ⁵⁰ Цыдендамбаев Ц.Б. Итоги и насущные проблемы языкового строительства в Бурятии // Филологические записки. Улан-Удэ, 1973. Тр. Ин-та общ. наук. Вып.19. С. 61-87.
- ⁵¹ Циг.: Чемоданов Н.С. Проблемы социальной лингвистики в современном языкознании // Новое в лингвистике. Вып. УП. М., Прогресс, 1975. С.5-33.

⁵² Понятие «билингвизм» используется в смежных науках, причем понимается там намного шире, чем как двуязычие. Так, в социологии билингвизм – это способ социальных отношений этногруппы и общества, это контакт в межкультурной среде на всех уровнях общественной системы, в которых культуры нельзя представить без языковых референтов, см., например: Литвиненко Е.Ю. Современный билингвизм: проблемы институционализации: Канд.дис. Ростов-на-Дону, 1997; Майоров А.П. Социальный билингвизм и языковое пространство. Уфа, 1998. 160 с.

⁵³ Fishman J.A. Language Loyalty in the United States. The Hague, 1965, p.287. Цит.: «Развитие национально-русского двуязычия. М., Наука, 1976. С.12.

⁵⁴ Розенцвейг В. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып.6. М.: Прогресс, 1972. С.9-10.

⁵⁵ Аврурин В.А. Двуязычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1975. С.51.

⁵⁶ Дешериев Ю.Д., Н.Ф.Протченко Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1975. С.34-35.

⁵⁷ Щерба Л.В. О понятии смешения языков // Л.В.Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С.60-74; К вопросу о двуязычии // Л.В.Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С.313-318.

⁵⁸ Крюкова И.В. Явления грамматической интерференции в условиях ирландско-английского контактирования // Этнические контакты и языковые изменения (Этнолингвистические исследования). С.-Пб.: Наука, 1995. С.173.

⁵⁹ Швейцер А.Д. Современная социоллингвистика. (Теория, проблемы, методы). М., Наука, 1976. С. 115.

⁶⁰ Блягоз З.У. Адыгейско-русское двуязычие. Майкоп, 1982. С.11.

⁶¹ Классификация типов двуязычия приводится разными авторами: Т.А.Бертагаев Билингвизм и его разновидности в системе употребления // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., «Наука», 1972. С.82-88; Е.М.Верещагин. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 160 с. А.А.Бурыкин К социоллингвистической характеристике некоторых типов двуязычия // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы. Тез.докладов межд.конференции. М., 23-25 октября 2001 г. М.: УРСС, 2001. С.297-300; М.-С.М.Мусаев К истории и типам языковых контактов и двуязычия в условиях полиэтнического Дагестана // Там же. С.329-331.

- ⁶² Всесоюзное совещание руководителей специализированных советов по языкознанию // Бюллетень ВАК. 1990. №5. С. 25.
- ⁶³ Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917-2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+, Ин-т языкознания РАН, 2000. С.14 с.
- ⁶⁴ Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С.80-82.
- ⁶⁵ Дырхеева Г.А., Будаев Б.Ж., Бажеева Т.П. Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический аспект). Улан-Удэ, 1999. 142 с.
- ⁶⁶ Хо Сун Чхол Языковая ситуация в России и других новых независимых государствах бывшего СССР // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М., Эдиториал УРСС, 2000. С.386.
- ⁶⁷ Проблема двуязычия в свете общественного мнения // Правда Бурятии. 1998. 27 мая.
- ⁶⁸ Ferguson Ch. Diglossia. «Word», 1959, v.15, N4.
- ⁶⁹ Кстати, понятие «двуязычие» иногда (см. В.М.Алпатов. Указ.соч. С.14) используется и для обозначения одновременного владения литературной формой языка и диалекта.
- ⁷⁰ Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы (опыт, уроки и задачи этносоциолингвистического изучения) // Расы и народы. Вып. 9. М.: Наука, 1979. С.9-31.
- ⁷¹ Беликов В.И., Крысии Л.П. Социолингвистика: Учебник для вузов. М.: Рос.гос.гуманит.ун-т, 2001. С.146.
- ⁷² Гамперц Дж.Переключение кодов хинди-пенджаби в Дели // Новое в лингвистике. Вып.У1. М., 1972. С.190-203.
- ⁷³ Щерба Л.В. О понятии смещения языков // Л.В.Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С.60-74.
- ⁷⁴ Парфенова О.С. Хроника второго Международного симпозиума по билингвизму (Великобритания, Ньюкасл, 14-17 апреля 1999) // Вопросы филологии. 1999. №2. С.109-110.
- ⁷⁵ Бертагаев Т.А. К вопросу о взаимовлиянии языков (о монголизмах и двуязычии) // Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М.: Наука, 1969. С. 121-125.
- ⁷⁶ Иванов В.Н. О некоторых характерных чертах взаимодействия культур (региональный аспект) // Историко-этносоциологические исследования. Региональные проблемы. Новосибирск, 1998. С. 6.
- ⁷⁷ Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С.14.
- ⁷⁸ Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 1. М., 2000. 656 с.

⁷⁹ Биткеева А.Н. Развитие социальных функций современного калмыцкого языка. АКД. М., 2002.

⁸⁰ Landry R., Allard R. Ethnolinguistic Vitality and the Bilingual Development of Minority and Majority Group. Students // Maintenance and Loss of Minority Languages. Ed. By W.Fase, K.Jaspaert, S.Kroon. Amsterdam/Philadelphia. 1992. V.1. Studies in Bilingualism. P. 223-251.

⁸¹ Блинкена А.Я. Языковая ситуация и статус языков в Прибалтике // Вопросы социолингвистики: Мат-лы советских социолингвистов к XII всемирному конгрессу социологов (Мадрид, 9-13 июля 1990 г.). М., 1990. С.39-41.